

О.В. ШАРОВ

O.V. SHAROV

ХРОНОЛОГИЯ КУЛЬТОВЫХ КОМПЛЕКСОВ ТАРАКТАШ В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

CHRONOLOGY OF TARAKTASH CULT COMPLEXES IN EASTERN CRIMEA

Культовый комплекс Таракташ расположен на склонах одноимённого горного хребта в 0,5 км к северо-востоку от современного с. Дачное, в 3 км к северу от г. Судак, у юго-восточного побережья Крыма. Место у подножия западной вершины Таракташского хребта имело выгодное стратегическое положение. Это самое узкое место Судакской долины, зажатое между горными хребтами, которые венчают две главные вершины – Бакаташ [тюрк. «Гора-лягушка»] и Таракташ [тюрк. «Горазуб»]. Отсюда полностью просматривается Судакская бухта и контролируется главная дорога, ведущая в глубь Крымского полуострова [Шаров, 2009, с. 459-460] (рис. 1).

В 1995, 2002–2008 гг. на Таракташе были открыты 3 культовых комплекса и поселение римской эпохи (рис. 2).

В 1995 году на южном склоне Таракташской гряды Горно-Крымской экспедицией Крымского филиала ИА НАНУ (начальник экспедиции В.Л. Мыц) на месте глубокой грабительской ямы было открыто и исследовано святилище римского времени, получившее название Таракташ-I. В пределах раскопа, площадь которого составила 130 кв.м, были изучены остатки двух храмовых построек и погребение, составляющие единый культовый комплекс, существовавший с начала I в. н.э. по вторую половину IV в. н.э. [Мыц, Лысенко, 2001, с. 96–100]. Основная часть культового комплекса – это храм № 1 по обозначению авторов раскопок (рис. 3,1). Он имеет подпрямоугольную форму, ориентирован длинными сторонами по линии запад-восток с небольшим отклонением к северу. Вход в храм № 1 расположен с восточной стороны, к западной стене пристроены два выступа. Его размеры по внешнему контуру: 5,2 x 7,6 м. В районе дверей и вдоль западной стены прослежены следы столбовых конструкций. Напротив входа, у западной стены, располагался каменный алтарь подпрямоугольной формы высотой 0,5 м. В центре храма было зафиксировано овальное углубление, служившее жертвенником. К западной и южной стенам были пристроены каменные скамьи шириной 0,6 м. В кладке алтаря, скамьи и в основании фундамента стен были найдены несколько трехлопастных железных черешковых наконечников стрел, бронзовые смычковые фибулы I в. н.э., фрагменты стеклянных бальзамариев и кубков типа «Rierenschale», стеклянные и фаянсовые бусы (рис. 4,1-7,18-24). В яме-жертвеннике найдены кальцинированные кости петуха, барана, маленькие лепные кубки с ручками-упорами и курильницы

(рис. 4,8-10,13,16-17). Особый интерес представляют находки 270 краснолаковых сосудов II–IV вв. и фрагменты 20 стеклянных кубков III–IV вв., найденные между скамьями и южной стороной алтаря [Мыц, Лысенко, 2001, с. 97] (рис. 4,25). К сожалению, керамика до сих пор не опубликована¹. Авторы раскопок считают, что находки 270 сосудов являются следами коллективного жертвоприношения и ритуальной трапезы. Храм № 2 располагался в 3,5 м к ю-з от храма № 1. Общий размер строения 4,9 x 3,2 м, но помещение имеет квадратную форму 2,1 x 2,1 м [Мыц, Лысенко, 2001, с. 97, рис. 1]. Храм № 2 ориентирован четко по сторонам света (рис. 3,2). С северной и южной сторон зафиксированы столбовые ямки. В северо-западном углу были обнаружены три лепных антропоморфных статуэтки из слабо обожженной глины (рис. 3,3-4; 5-2). Они лежали головой на запад, вплотную друг к другу, лицом вверх [Мыц, Лысенко, 2001, рис. 1,2-3]. Низ всех фигурок был преднамеренно отбит, у двух не сохранились и личины. Из заполнения храма № 2 происходят также фрагменты алтариков, курильниц и лепных чашечек (рис. 4,11-12,14-15). Алтарики имеют подпрямоугольное основание с подквадратными неглубокими резервуарами, а курильница – выступы по краям резервуара и подквадратный резервуар. Авторы считают, что храм № 2, на основании находок фрагментов краснолаковой посуды и данных стратиграфии, был возведен несколько позднее, чем храм № 1 [Мыц, Лысенко, 2001, с. 97].

В 2002 году прямо под гребнем горы Таракташ Славяно-Сарматской экспедицией Государственного Эрмитажа было открыто и исследовано еще одно святилище римского времени, получившее название *Таракташ-II* [Щукин и др., 2003, с. 54-60; 1]. В одном метре к западу от основания гребня скалы, на крутом склоне, была сделана подрубка, и на образовавшейся прямоугольной площадке был заложен фундамент подпрямоугольного сооружения (рис. 6). Хорошо сохранилась восточная стена, протянувшаяся вдоль скалы на 1,85 м и в высоту 0,7 м. Северная стена имела длину 0,8 м и высоту 0,6 м, южная стена сохранилась в длину 1 м и в высоту 0,6 м. Следов четвертой стены выявлено не было. В центре помещения находился алтарь высотой 0,5 м подтреугольной формы. На нем лежали фрагменты 6 краснолаковых мисок с загнутыми внутрь венчиками (рис. 7,1-2,8-11). Между северной стеной и алтарем на полу были найдены фрагменты еще 10 краснолаковых сосудов, часть из которых можно отнести к понтийской сигилляте, к форме VI по Дж. Хейсу [Hayes, 1985. Tav. XXII; Шаров, 2007, рис. 19] (рис. 7,5,6). Часть сосудов является имитацией формы I и формы V понтийской сигилляты [Шаров, 2007, рис. 41, 78] (рис. 7,14,15). С уровня пола вблизи алтаря происходят фрагменты двух лепных курильниц на высоких ножках с выступами по краям резервуара (рис. 8). У основания алтаря найдены фрагменты трёх стеклянных сосудов (рис. 9), а между южной стеной и алтарем зафиксировано скопление кальцинированных костей. Антропоморфные идола лежали в одном метре к югу от южной стены святилища. Они были разбиты и сохранились

¹ Весь керамический комплекс святилища Таракташ-I готовится в настоящее время к публикации. В статье даются предварительные выводы по поводу хронологии основных типов керамики данного комплекса.

лишь две личины (рис. 5,5,6), там же лежали составные части маленьких лепных антропоморфных статуэток [руки и ноги] и части еще двух курильниц с подквадратными резервуарами. Перечисленные категории находок в целом аналогичны вещевому и керамическому комплексу Таракташ-I, но есть и некоторые отличия: часть курильниц и обе антропоморфные статуэтки, происходящие из святилища Таракташ-II, были выброшены за пределы святилища, в то время как антропоморфные идола и курильницы с выступами по краю резервуара лежали внутри храма № 2 святилища Таракташ-I. В составе находок святилища Таракташ-II нет изделий из металла, бус и маленьких лепных сосудов.

В 2006 году Таракташской археологической экспедицией ИИМК РАН совместно со Славяно-Сарматской экспедицией Государственного Эрмитажа было открыто еще одно культовое сооружение на западном склоне горы Таракташ, которое получило название Таракташ-III (далее: КСТ-III) (рис. 2,1). Оно было открыто на поселении римской эпохи, в центре второй террасы. Стены культового сооружения Таракташ-III находились прямо под стенами жилого помещения постройки № 6 первой половины III в. н.э. [Шаров и др., 2007] (рис. 10). Размеры открытого культового помещения 2,2 x 1,5 м (рис. 11). Фиксация всех материалов святилища велась по уровням зачистки толщиной 5-7 см, всего было зафиксировано 10 уровней зачистки, с 8 по 17 (1-7 относились к более поздней постройке № 6). В КСТ-III были найдены многочисленные краснолаковые и лепные сосуды, кости жертвенных животных, а на 16 уровне – две глиняные антропоморфные статуэтки (рис. 12). В северо-восточном углу на отметке 290-310 была зафиксирована первая статуэтка – женское божество на троне, раскрашенная красной и белой краской (рис. 5,7). На троне, покрытом черной краской, прослежены следы желтой краски или охры. Статуэтка вплотную примыкала к стене и была поставлена лицом на юг. Она стояла на большом фрагменте стенки лепного сосуда, лежащего вверх лощеной поверхностью. Две краснолаковых чашечки вплотную лежали у стены к западу от трона, обе вверх венчиком (рис. 11). В 0,15 м к юго-востоку была найдена на той же глубине вторая статуэтка, которая лежала на спине головой на север и лицом вверх [Шаров и др., 2007, рис. 62–64]. Статуэтка лежала на утрамбованной плотной земле – на втором полу (рис. 5,8). Ниже утрамбованного пола (слоя глиняной обмазки и плоских камней) на 17 уровне (уровне первого пола), в центре помещения, лежали фрагменты краснолаковой открытой миски производства Чандарли: тесто розовое, без видимых примесей, лак темно-красный, густой, очень высокого качества [Haues, 1972, p. 318–319].

Стены постройки № 6 были возведены через некоторое время после оставления жителями КСТ-III, в котором совершались ритуальные действия. Между каменными стенами существует не очень значительная по мощности прослойка материковой глины (рис. 10). Возможно, это было центральное культовое место на горном поселении Таракташ.

Также на южном склоне горы Таракташ на другом поселении в постройке 1 – конца II в. – первой половины III в. н.э. была найдена фигурка антропоморфного глиняного идола (далее: «ТРИШ-IV») (рис. 5,4).

Шаров О.В. Хронология культовых комплексов ...

Датировка культовых комплексов Таракташа очень различна:

Культовое сооружение Таракташ-I, (далее: КСТ-I) датируется авторами раскопок в широких рамках второй половины I в. н.э. – IV в. н.э., но в святилище № 2, где были найдены антропоморфные статуэтки, нет, по моему мнению, позднего материала. Краснолаковые сосуды представлены формами высоких мисок с загнутым внутрь венчиком, которые относятся к группе «Понтийской сигилляты А». По классификации Дж. Хейса, это форма IV, которая имеет массу разнообразных вариантов и датируется обобщенно в широких рамках I – III вв. н.э. [Hayes, 1985. Tav. XXII,4]. Используя типологию Д.В. Журавлева, можно эту дату уточнить. Склеенные сосуды, происходящие из заполнения культовой постройки 2, относятся по своей морфологии к формам 14.3, 14.4 и 17.1 по Д.В. Журавлеву и могут датироваться в целом концом I в. – первой половиной III в. н.э. [Журавлев, 2010, с. 54-55, таб. 23-24, №№ 155-157, 166, 170]. Большинство из 270 краснолаковых сосудов из святилища № 1 КСТ-I представлены также мисками форм 14 и 17 «Понтийской сигилляты А» по Д.В. Журавлеву и могут датироваться тем же временем. Помимо этого массового материала, в заполнении святилища 1 присутствуют и редкие формы поздней понтийской краснолаковой керамики «Pontic Red Slip Ware», представленные фрагментами трех тарелок с отогнутым наружу венчиком, украшенных линейно-волнистым декором «Медуза» в центре дна в виде «пятнадцатилучевой звезды» и вписанной в него розеттой. Подобные блюда из Танаиса относятся по К. Домжальскому и Т.М. Арсеньевой к форме 3 «понтийской краснолаковой» керамики и датируются концом IV – середины V вв. н.э. [Arsen'eva, Domzalski, 2002, p. 426–427]. Такие сосуды были найдены повсеместно в Крыму практически на всех позднеантичных памятниках [Иванова, 2009, с. 35–39, рис. 7–9; Смокотина, 2014, с. 53-54, рис. 11, 12; Сазанов, 2012, с. 135–138, рис. 1–7]. Также в заполнении святилища 1 присутствовали фрагменты трех блюд формы 1 группы «Pontic Red Slip Ware». Эта форма сосудов была выделена по тесту и лаковому покрытию К. Домжальским, и ее ранее часто путали по близости морфологических признаков с формой 62В африканской сигилляты [African Red Slip Ware: ARSW] Дж. Хейса [Сазанов, 2012, с. 135] К. Домжальский и Т.М. Арсеньева на основании материала из Танаиса датируют такие блюда второй половиной IV – серединой V вв. н.э. [Arsen'eva, Domzalski, 2002, p. 425-426]. Можно принять уточнения этой даты А.И. Айбабиным [Айбабин, 1984, с. 115-116; Айбабин, 1990, с. 16] и А.В. Сазановым [Сазанов, 2012, с. 138] на основании дат закрытых комплексов. Авторы предложили датировать форму 1 группы «понтийская краснолаковая» с начала IV в. до второй четверти VI в. н.э., но мне кажется, что не стоит принимать столь широкие даты бытования данной формы, так как здесь возможны ошибки ввиду того, что определение форм сосудов было проведено по внешним морфологическим признакам, а не по тесту и лаковому покрытию. Также мне кажется чрезмерно завышенной дата для этой формы, предложенная О.С. Ивановой (сер. IV–первая четверть VII вв. н.э.), несмотря на то, что в склепах Алмалык-Дере форма 1 представлена только в комплексах середины IV–V вв. н.э. [Иванова, 2009, с. 34]. Мне кажется, что

следует доверять все же датам закрытых комплексов и использовать предложенную К. Домжалским дату для этой формы (сер. IV–сер. V вв.), а в городских и поселенческих комплексах следует всегда учитывать естественную «примесь снизу», на что уже неоднократно обращали внимание некоторые авторы [Шаров, 2007, с. 165–170; Сазанов, 2012, с. 138; Смокотина, 2014, с. 50].

Также в заполнении слоя III постройки I найдены высокие чашки с вертикальными или прямыми бортиками, иногда украшенные по бортику зигзагом. Они являются позднейшим развитием форм V и VI понтийской сигилляты по Дж. Хейсу [Шаров, 2007, рис. 41, 78]. Такие сосуды были встречены в целом ряде позднеантичных комплексов, и исследователями были предложены даты их бытования. А.И. Айбабин на основании находок в чернореченском погребении № 19 (38), в керамическом комплексе «послеготского дома» из Тиры и в погребении № 8 (19) из Тиритаки, отнёс эти комплексы к IV–V вв. н.э. [Айбабин, 1990, с. 17, рис. 5: 13]. Такой вывод он сделал ввиду совстречаемости таких «чашек» вместе с красноглиняными широкогорлыми амфорами типа 100 по И.Б. Зеест [Зеест, 1960, с. 120, табл. XXXIX: 100] в «послеготском доме» в Тире [Кравченко, Корпусова, 1975, с. 30, рис. 4: 3] и в урновом трупосожжении 19 (38) некрополя Черной Речки [Бабенчиков, 1963, с. 120, табл. IV: 11; V: 3; XVI: 3], где такая «чашка» была встречена вместе с красноглиняной широкогорлой амфорой, напоминающей по морфологии амфору типа «Делакеу». Уже в докладе 1995 года на XVI Международном семинаре в Антибе и в своих более поздних работах А.И. Айбабин отнес чернореченское погребение 19 [38] к III хронологической группе [Айбабин, 1996, с. 293–294; Ajbabin, 1995, с. 25, 27; Айбабин, 1999, с. 255, 260–261, табл. XVIII: 1; XIX: 1], а позднее – к IV хронологической группе [Айбабин, 2003, с. 16, табл. 3: 66], датируя обе группы только второй половиной IV века н.э. (350–400 гг.) [Шаров, 2007, с. 96, 99]. Так как дата такого рода краснолаковых сосудов зависит напрямую от даты амфор «Зеест-100», то я попытался уточнить дату амфор на основании закрытых комплексов «послеготского дома» из Тиры и постройки IX черняховского поселения Каменка - Анчекрак. В этих комплексах встречены также узкогорлые светлоглиняные амфоры типов «F» и «E» по Д.Б. Шелову или типов 104–105 по И.Б. Зеест [Зеест, 1960, табл. XLI: 104–105]. Комплекс постройки IX поселения Каменка-Анчекрак на основании находки блюда формы 1 «Pontic Red Slip Ware» и светлоглиняной узкогорлой амфоры типа «E» можно отнести ко второй половине IV в. – первой половине V в., хотя не исключена более узкая дата – рубеж IV–V вв. В керамическом комплексе «послеготского дома» из Тиры присутствует целая амфора типа «F», которая по типологии А.В. Сазанова относится к подтипу 2 типа 1 и датируется не позднее середины V века, хотя в тексте именно этот комплекс А.В. Сазанов относит ко второй половине IV века [Сазанов, 1993, с. 17, 18]. А.И. Айбабин относит данный комплекс к концу IV–V вв., а на хронологической таблице – к первой половине V века [Айбабин, 1990, с. 17]. В.В. Кропотов отнес амфору типа «F» из тирского комплекса к варианту 3 своей классификации и датировал ее концом IV в. – началом V в. н.э. [Кропотов, 1998, с. 129–131]. На основании этого я полагаю,

Шаров О.В. Хронология культовых комплексов ...

что можно принять максимально позднюю дату этого комплекса, как дату наиболее позднего, зафиксированного археологически в закрытом комплексе бытования амфор типа «Зеест-100», и считаю, что амфоры и чашки с прямым бортиком датируются на основании закрытых комплексов второй половиной IV в. – первой половиной V в. н.э. [Шаров, 2007, с. 170]. О.С. Иванова выделила на основании материалов из Алмалык-Дере ряд новых форм группы «понтитской краснолаковой» и учла подобного рода сосуды в своей классификации. Это кубки с вертикальным округлым венчиком формы 14 по О.С. Ивановой на высоком кольцевом поддоне. Дата для них предложена достаточно широкая: IV–V вв., в склепе № 184 кубок формы 14 датируется по сопутствующему материалу 430/440–470/480 гг. [Иванова, 2009, с. 49–50, рис. 13,77]. Таким образом, на основании проведенного анализа хронологии ряда форм керамики следует, вероятно, выделить два периода функционирования КСТ-I:

1 период: середина I в. – середина III в. н.э. – период строительства и активного функционирования культовых построек 1 и 2, причем святилище 1 было построено, судя по материалу, не позднее середины I в. н.э., а святилище 2 было построено позднее, не ранее рубежа I в. – II в. н.э., и оба храма функционировали с различной степенью активности вплоть до середины III в. н.э. Если со строительством святилища 1 все ясно, исходя из датирующих типов находок (рис. 4,5,6,18,22,23), то ввиду отсутствия узких дат для краснолаковой посуды святилище 2 могли построить в любой отрезок указанного времени. Вероятно, данное святилище использовалось кратковременно из-за крайне немногочисленного материала в заполнении.

2 период: вторая половина IV в. – первая половина V в. н.э., период функционирования, исходя из археологического материала, только культовой постройки 1, а культовая постройка 2, где были спрятаны антропоморфные идола, вероятно, была оставлена и законсервирована уже не позднее середины III в. н.э.

Представленный на культовом сооружении Таракташ-II (далее: КСТ-II) керамический материал относится, главным образом, к концу II в. – первой половине III в., в основном это понтитская сигиллята форм I, IV, V, VI по Дж. Хейсу [Hayes, 1985, Tav. XXII; 5, рис. 18]. Отдельные типы сосудов, имитирующие форму V понтитской сигилляты по Дж. Хейсу (рис. 7,15), могут относиться и к IV в. н.э. и имеют аналогии в керамике из погребений №№ 18, 58 некрополя Дружное [Храпунов, 2002; 5, рис. 41,78]. Также типы краснолаковых высоких мисок, напоминающих форму VI понтитской сигилляты по Дж. Хейсу, со слегка отогнутым наружу венчиком и двумя прорезными линиями на нем, не характерны только для комплексов конца II в. – первой половины III в. и морфологически больше напоминают керамику херсонесского производства второй половины III – IV вв. н.э., выделенную С.В. Ушаковым [Ушаков, 2004, рис. 1-2; 5, рис. 27; Ушаков, 2010, рис. 11,1,6,8] (рис. 7,5-6).

Стеклянные стаканы на высоком поддоне [Мыц, Лысенко, 2001, рис. 2,25; Щукин и др., 2003, рис. 102] (рис. 4,25; 9) также датируются более поздним временем. А.И. Айбабин датировал подобные сосуды в широких пределах IV–начала V вв. [Айбабин, 1990, с. 13, рис. 3.3]. И.Н. Храпунов, опираясь на материалы раскопок

некрополя Дружное, смог уточнить датировку данного вида стеклянных сосудов, которые найдены в 7 склепах. Стеклянные стаканы на высоком поддоне с плавными очертаниями тулова и отогнутым венчиком автор отнес к типу I, варианту 1 и датировал их второй половиной III–IV вв. н.э. [Храпунов, 2002, с. 56]. Наиболее ранний из найденных в Крыму стакан типа I, 1 обнаружен, по мнению И.Н. Храпунова, в могиле № 9 [35] Чернореченского некрополя вместе с монетами середины III в. н.э., а также выразительным набором инвентаря второй половины III века [Бабенчиков, 1963, с. 97–100, рис. 4 9]. Мне кажется, что к ранним находкам в Крыму стеклянных стаканов типа I, 1 по И.Н. Храпунову можно добавить и стакан из склепа № 21 могильника Дружное [Храпунов, 2002, рис. 99, 9]. Сосуд находился между погребенными D и E на уровне плечей, оба погребения можно датировать на основании четких хроноиндикаторов: бронзовой пряжки, серебряной фибулы и серебряных сережек в полихромном стиле [Храпунов, 2002, с. 55, рис. 102,18; 104,5,6,11] второй половиной III в. – началом IV в. н.э. И.Н. Храпунов полагает, что «первые стаканы типа II, произведенные, очевидно, в Херсонесе, появились в предгорном Крыму во второй половине III в., в IV веке их количество многократно возросло. Они становятся наиболее популярным типом стеклянной посуды у варваров, живших в центральном и юго-западном Крыму. Стаканы V в. н.э. уже украшались каплями синего стекла [Храпунов, 2002, с. 56]. Второй стеклянный сосуд из КСТ-II с шаровидным туловом, резко отогнутым венчиком и вогнутым дном соответствует типу II, варианту 1 по И.Н. Храпунову и представлен в том же склепе № 21. Автор предлагает такую же датировку для типа II, так как они встречены в комплексах середины–второй половины III в. н.э. и в комплексах IV века, при этом часто вместе с сосудами типа I, 1. В частности, в могильнике Озерное III стакан типа I, 1 найден рядом со стаканом типа II, на полу склепа лежали монеты Гордиана III, Александра Севера и Деция Траяна, а на полке – четыре монеты Константина I [Храпунов, 2002, с. 56].

В работе, посвященной стеклянным сосудам из некрополя могильника Нейзац, этим стаканам также уделено немало внимания [Шабанов, 2011, с. 142–144, рис. 1-2]. С.Б. Шабанов не стал принимать классификацию, предложенную И.Н. Храпуновым для могильника Дружное, а использовал, на мой взгляд, не совсем удачно классификацию К. Айсингс, отнеся данные стеклянные сосуды к ее формам 108 и 96 [Isings, 1957, p. 113,134]. Автор соотнес с формой 108 по К. Айсингс совершенно разные морфологически формы, очень отдаленно напоминающие форму 108, среди которых форм, близких стаканам из КСТ-I и КСТ-II, очень немного [Шабанов, 2011, рис. 1,7.8; 2,10,13]. Их отличает максимальное расширение тулова в нижней части и прямые сужающиеся кверху стенки. Даты стаканов, найденных в комплексах склепов могильника Нейзац, совпадают с датами, которые И.Н. Храпунов предложил, опираясь на комплексы могильника Дружное (вторая пол. III–IV вв. н.э.).

Таким образом, материал КСТ-II дает нам при преобладании материалов конца II в. – первой половины III века также находки, которые можно отнести к IV в. н.э. Это поздние типы краснолаковой керамики, возможно херсонесского производства,

Шаров О.В. Хронология культовых комплексов ...

и стеклянные стаканы. Вероятно, перерыв все же был, так как керамики и находок второй половины III в. н.э. в комплексе святилища не представлено. Поэтому можно говорить также о двух периодах функционирования святилища КСТ-II: 1 период: конец II в. – первая половина III в. н.э.; 2 период: IV в. н.э.

Культовое сооружение Таракташ-III (далее: «КСТ-III») я датировал ранее на основании находок краснолаковой керамики достаточно узким периодом первой половины – середины II в. н.э. [Шаров, 2013, с. 30]. На основании более тщательного рассмотрения керамического материала я предлагаю дату бытования КСТ-III несколько расширить. Краснолаковая керамика данного комплекса представлена в подавляющем большинстве керамикой группы «Понтийская сигиллята А». Это тарелки формы 4.1 и 4.2 по Д.В. Журавлеву [Журавлев, 2010, с. 46-47, таб. 18], миски типов 14.1-14.3, 16.1 и 19 по Д.В. Журавлеву [Журавлев, 2010, с. 54-56, таб. 23-25], чаши типа 30 по Д.В. Журавлеву [Журавлев, 2010, с. 60-61, таб. 27] (рис. 14,1,3), кубки типов 31 и 33 [Журавлев, 2010, с. 61–63, таб. 28–31] и канфары типа 34 [Журавлев, 2010, с. 64-65, таб. 32-33]. Все представленные типы посуды характерны в основном для конца I – первой половины II в. н.э., но ряд типов, таких как тарелки типа 4.3, миски типа 16.1, чаши типа 30, канфары типа 34, мог бытовать до конца II в. н.э. На дне постройки лежала миска группы «Восточная сигиллята С» формы Чандарли 2 по Дж. Хейсу [Hayes, 1972, р. 318-319] или форма «Loeschke 26B», которая датируется в основном концом I в. – первой половиной II в. н.э., но в ряде случаев бытует до конца II в. н.э. [Журавлев, 2010, с. 32-33, таб. 4]. Эту более позднюю дату подтверждает ряд сосудов из КСТ-III, которые относятся также к группе «Понтийская сигиллята А», но к форме VI по Дж. Хейсу [Hayes, 1972, Tav. XXII, VI]. Это миски с высоким бортиком, украшенные псевдоручками, которые относятся к форме S-5a по Э. Кюнелту и датируются второй половиной II в. н.э. (рис. 13), а без декора в виде псевдоручек, но украшенные прорезными линиями, появляются не ранее последней четверти II в. н.э. и бытуют вплоть до середины III в. н.э. и, возможно, позднее [Kühnelt, 2008, S. 235, № 245, 246; Шаров, 2007, с. 77] (рис. 14,2). Я не принял более позднюю дату вплоть до середины III в. н.э. по причине того, что данное святилище было перекрыто жилой постройкой № 6, каменные стены которой стояли прямо на каменных стенах КСТ-III (рис. 10). Постройка № 6 по амфорному и керамическому материалу относится к концу II в. – первой половине III в. н.э. Поэтому можно считать, что КСТ-III появилось в конце I – первой половине II вв. н.э. и перестало функционировать в конце II в. н.э., когда появилось новое население, которое построило другое святилище уже высоко в горах (КСТ-II), под гребнем горы Таракташ, а на месте более раннего поселения и святилища были построены прямо на культурном слое новые жилые постройки.

Подведем некоторые предварительные итоги. Таракташский культовый комплекс КСТ-I на южном склоне хребта Таракташ является самым ранним, святилище 1 [рис. 3-1] было построено в середине I в. н.э. и функционировало вплоть до середины III в. н.э., святилище 2 (рис. 3-2) было построено позднее: на рубеже I–II вв. н.э. и также функционировало вплоть до середины III в. н.э. Видимо,

почти одновременно с ним на крутом западном склоне (рис. 2-1), в центре поселения, возникает КСТ-III в конце I – первой половине II вв. н.э., но по каким-то причинам перестает функционировать еще в конце II в. н.э. В конце II в. н.э. появляется новое население, которое строит каменные постройки прямо на культурном слое предшествующего времени и, видимо, основывает новое святилище – КСТ-II прямо под гребнем горы Таракташ (рис. 2-2).

Поселение и святилища КСТ-I и КСТ-II были разрушены и покинуты в середине III в. н.э. и, скорее всего, не ранее середины IV в. н.э. на южных склонах Таракташа появляется вновь население и возобновляется культ поклонения предкам в одной из культовых построек КСТ-I.

В заключение следует отметить, что это предварительные данные о хронологии культовых комплексов Таракташа и уточнить полученные даты мы сможем лишь при полной публикации всех материалов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А.И.* Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода. // СА. 1984. № 1. С. 104–121.
- Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I. Симферополь, 1990.
- Айбабин А.И.* Население Крыма в середине III–IV вв. // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 290–303.
- Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. А. 350 с.
- Айбабин А.И.* Крым в VI–VII веках (под властью Византийской империи) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века. М.: Наука, 2003.
- Бабенчиков В.П.* Чорноріченський могильник. // АП УРСР. 1963. № 13. С. 90–123.
- Журавлев Д.В.* Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н.э., Симферополь, МАИЭТ, Suppl. 9, 2010.
- Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора // МИА № 83, 1960.
- Иванова О.С.* Краснолаковая керамика из раскопок могильника в балке Алмалык-дере (Мангуп) // МАИЭТ. Симферополь. Вып. XV, 2009.
- Кравченко Н.М., Корпусова В.Н.* Деякі риси матеріальної культури пізньоримської Тіри // Археологія. 18, 1975.
- Кропотов В.В.* Світлоглинняні вузькогорлі амфори «інкерманського» типу // Археологія. 1198. № 4, с. 128–134.
- Мыц В.Л., Лысенко А.В.* Позднеантичное святилище Таракташ в Крыму // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы международной научной конференции. Часть 2. СПб., 2001. С. 96–100.
- Сазанов А.В.* Тонкостенные красноглиняные амфоры типа 95 по И.Б. Зеест: типология и хронология. // Петербургский археологический вестник, № 2, 1993. С. 100–112.
- Сазанов А.В.* Азиатский Боспор в позднеримское время. // ISEUM, Сборник статей, посвященных истории, религии и культуре Древнего мира. Москва, 2012.
- Смокотина А.В.* Краснолаковая керамика города Боспора в конце IV– первой половине VII вв.: Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Москва, 2014.
- Ушаков С.В.* Херсонесская сигиллята [к постановке проблемы]. // Херсонесский сборник, вып. XIII, Севастополь. 2004.
- Ушаков С.В.* Керамический комплекс Херсонеса Таврического (по материалам работ BSP-Причерноморского проекта у «Базилики 1935 г.») // Материалы по археологии и истории Северного Причерноморья, вып. 2, 2010.
- Храпунов И.Н.* Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Люблин, 2002.
- Шабанов С.Б.* Стекланные сосуды из могильника Нейзац, МАИЭТ, XVII, с. 141–191, 2011.
- Шаров О.В., Шукин М.Б., Палагута И.В.* Отчет о раскопках поселения Таракташ у с. Дачное Судакского района, АР Крым Украины в 2006 году. СПб. // РА ИА НАНУ. 2007.

Шаров О.В. Хронология культовых комплексов ...

- Шаров О.В. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг. Хронология комплексов с римскими импортами. СПб., 2007.
- Шаров О.В. Святилище на склонах горы Таракташ в восточном Крыму//Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. СПб., 2009. С. 459–464.
- Шаров О.В. Антропоморфные глиняные статуэтки из раскопок культового комплекса Таракташ в Восточном Крыму// Боспорский феномен: греки и варвары на евразийском перекрестке, СПб., 2013. С. 313–319.
- Шаров О.В. Культовый комплекс Таракташ в восточном Крыму //Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани, Казань, 2014, Т. II, с. 184–187.
- Щукин М.Б., Шаров О.В., Шувалов П.В., Соколова Л.А., Гарбуз И.А. Исследования поселения и святилища Таракташ 1 у с. Дачное Судакского района // Отчётная археологическая сессия за 2002 год. Государственный Эрмитаж. СПб., 2003. С. 54–60.
- Ajbabin A. Les tombes des chefs nomades en Crimée de la fin du IIe siècle au VIe siècle // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIe au VIe siècle. Conde-sur-Noireau, 1995.
- Arsen'eva T.M., Domzalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia Antiqua 8. Zeilschrift für Arheologie Eurasiens. 2002.
- Hayes, J.W. Late Roman Pottery. L., 1972. – 477 p.
- Hayes, J.W. Sigillate Orientali // Ceramica Romana nel Bacino Mediterraneo. Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale. Rome, 1985. P. 1–96.
- Isings C., Roman Glass from Dated Finds // Archaeologica Traiectina, 2. Groningen, Djakarta, Wolters, 1957.
- Kühnelt E. Terra sigillata aus Alma-Kermen // Typologie, Datierung, Rohstoffgruppen der Pontischen Sigillata. Rostock, 2008.

REFERENCES

- Aibabin A.I. Problemy khronologii mogil'nikov Kryma pozdnerimskogo perioda. SA, 1984. № 1. pp. 104–121.
- Aibabin A.I. Khronologiya mogil'nikov Kryma pozdnerimskogo I rannesrednevekovogo vremeni. MAIET, 1990, vyp. I. Simferopol'.
- Aibabin A.I. Naselenie Kryma v seredine III–IV vv. MAIET, 1996, vyp. V, pp. 290–303.
- Aibabin A.I. Etnicheskaya istoriya rannevizantiiskogo Kryma. Simferopol': DAR Publ., 1999-A, 350 p.
- Aibabin A.I. Krym v VI–VII vekakh (pod vlast'yu Vizantiiskoi imperii). Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia: IV–XIII veka. Moscow: Nauka Publ., 2003.
- Ajbabin A. Les tombes des chefs nomades en Crimée de la fin du IIe siècle au VIe siècle. La noblesse romaine et les chefs barbares du IIe au VIe siècle. Conde-sur-Noireau, 1995.
- Babenchikov V.P. Chernorichens'kii mogil'nik. AP URSR, 1963, № 13, pp. 90–123.
- Arsen'eva T.M., Domzalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais. Eurasia Antiqua 8. Zeilschrift für Arheologie Eurasiens. 2002.
- Hayes, J.W. Late Roman Pottery. L., 1972. 477 p.
- Hayes, J.W. Sigillate Orientali. Ceramica Romana nel Bacino Mediterraneo. Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale. Rome, 1985, pp. 1–96.
- Isings C., Roman Glass from Dated Finds. Archaeologica Traiectina, 2. Groningen, Djakarta, Wolters, 1957.
- Ivanova O.S. Krasnolakovaya keramika iz raskopok mogil'nika v balke Almalyk-dere (Mangup). MAIET, 2009, vyp. XV, Simferopol'.
- Khrapunov I.N. Mogil'nik Druzhnoe (III–IV vv. nashei ery). Liublin, 2002.
- Kravchenko N.M., Korpusova V.N. Deiaki rysy material'noi kul'tury pizn'oryms'koi Tiry. Arkheologiya, 1975, vyp. 18.
- Kropotov V.V. Svitloglyniani vyz'kogorli amfory "inkermans'kogo" tipu. Arkheologiya, № 4, pp. 128–134.
- Kühnelt E. Terra sigillata aus Alma-Kermen. Typologie, Datierung, Rohstoffgruppen der Pontischen Sigillata. Rostock, 2008.
- Myts V.L., Lysenko A.V. Pozdneantichnoe sviatilishche Taraktash v Krymu. Bosporskii fenomen: kolonizatsiya regiona, formirovanie polisov, obrazovanie gosudarstva. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Part 2. Saint-Petersburg, 2001, pp. 96–100.
- Sazanov A.V. Tonkostennyye krasnoglinianye amfory tipa 95 po I.B. Zeest: tipologiya i khronologiya. Peterburgskii arkheologicheskii vestnik, 1993, № 2, pp. 100–112.

Боспорские исследования, вып. XXXII

- Sazanov A.V. Aziatskii Bospor v pozdnerimskoe vremia. *ĪSĒUM, Sbornik statei, posviashchennykh istorii, religii kul'ture Drevnego mira*. Moscow, 2012.
- Shabanov S.B. Stekliannye sosudy iz mogil'nika Neizats. *MAIET*, XVII, 2011, pp. 141–191.
- Sharov O.V., Shchukin M.B., Palaguta I.V. Otchet o raskopkakh poseleniia Taraktash u s. Dachnoe Sudakskogo raiona, AR Krym Ukrainy v 2006 godu. *RA IA NANU*, Saint-Petersburg, 2007.
- Sharov O.V. *Keramicheskii kompleks nekropolia Chatyr-Dag. Khronologiya kompleksov s rimskimi importami*. Saint-Petersburg, 2007.
- Sharov O.V. Sviatilishche na sklonakh gory Taraktash v vostochnom Krymu. *Bosporskii fenomen. Iskustvo na periferii antichnogo mira*. Saint-Petersburg, 2009, pp. 459–464.
- Sharov O.V. Antropomorfnye gliniane statuetki iz raskopok kul'tovogo kompleksa Taraktash v Vostochnom Krymu. *Bosporskii fenomen: greki I varvary na evraziiskom perekrestke*, Saint-Petersburg, 2013, pp. 313–319.
- Sharov O.V. Kul'tovyi kompleks Taraktash v vostochnom Krymu. *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkhelogicheskogo s"ezda v Kazani*. Kazan', 2014, Vol. II, pp. 184–187.
- Shchukin M.B., Sharov O.V., Shuvalov P.V., Sokolova L.A., Garbuz I.A. Issledovaniia poseleniia I sviatilishcha Taraktash 1 u s. Dachnoe Sudakskogo raiona. *Otchetnaia arkhelogicheskai sessiia za 2002 god. Gosudarstvennyi Ermitazh*. Saint-Petersburg, pp. 54–60.
- Smokotina A.V. Krasnolakovaia keramika goroda Bospora v kontse IV–pervoi polovine VII vv. Abstract of kandidat. diss. Moscow, 2014.
- Ushakov S.V. Khersonesskaia sigilliata [k postanovke problemy]. *Khersonesskii sbornik*, 2004, XIII, Sevastopol'.
- Ushakov S.V. Keramicheskii kompleks Khersonesa Tavricheskogo (po materialam rabot BSP- Pricher-nomorskogo proekta u "Baziliki 1935 g."). *Materialy po arkhelogiii istorii Severnogo Prichernomor'ia*. 2010, vyp. 2.
- Zeest I.B. Keramicheskai tara Bospora. *MIA*, 1960, № 83.
- Zhuravlev D.V. Krasnolakovaia keramika Iugo-Zapadnogo Kryma I-III vv. n.e. *MAIET*, 2010, Suppl. 9, Simferopol'.

Резюме

В статье рассмотрена хронология культовых сооружений Таракташа римской эпохи, расположенных на склонах горного хребта Таракташ, в 3 км к северу от г. Судак, у юго-восточного побережья Крыма. На основе анализа археологического материала предложены новые даты для трех культовых сооружений Таракташа.

Ключевые слова: Боспор, римское время, культовое сооружение, святилище, антропоморфный идол, краснолаковая керамика.

Summary

The article discusses chronology of Taraktash cult constructions of Roman times located on the slopes of Taraktash mountain range, 3 km to the north of Sudak near south-eastern seaside of the Crimea. New dating for three cult constructions are proposed after analysis of archaeological material.

Key words: Bosphorus, Roman times, cult construction, sanctuary, anthropomorphic idol, red glazed ware.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаров Олег Васильевич, д.и.н.,
Институт истории материальной культуры РАН,
ведущий научный сотрудник.
+7 (921) 3955645,
olegsharov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sharov Oleg, DSc Hab.
Institute of History of Material Culture RAS,
Leading Researcher.
+7 (921) 3955645,
olegsharov@mail.ru

Рис. 1. Местонахождение культовых комплексов Таракташ в восточном Крыму.

I – культовое сооружение Таракташ-I; II – культовое сооружение Таракташ-II; III – культовое сооружение Таракташ-III.

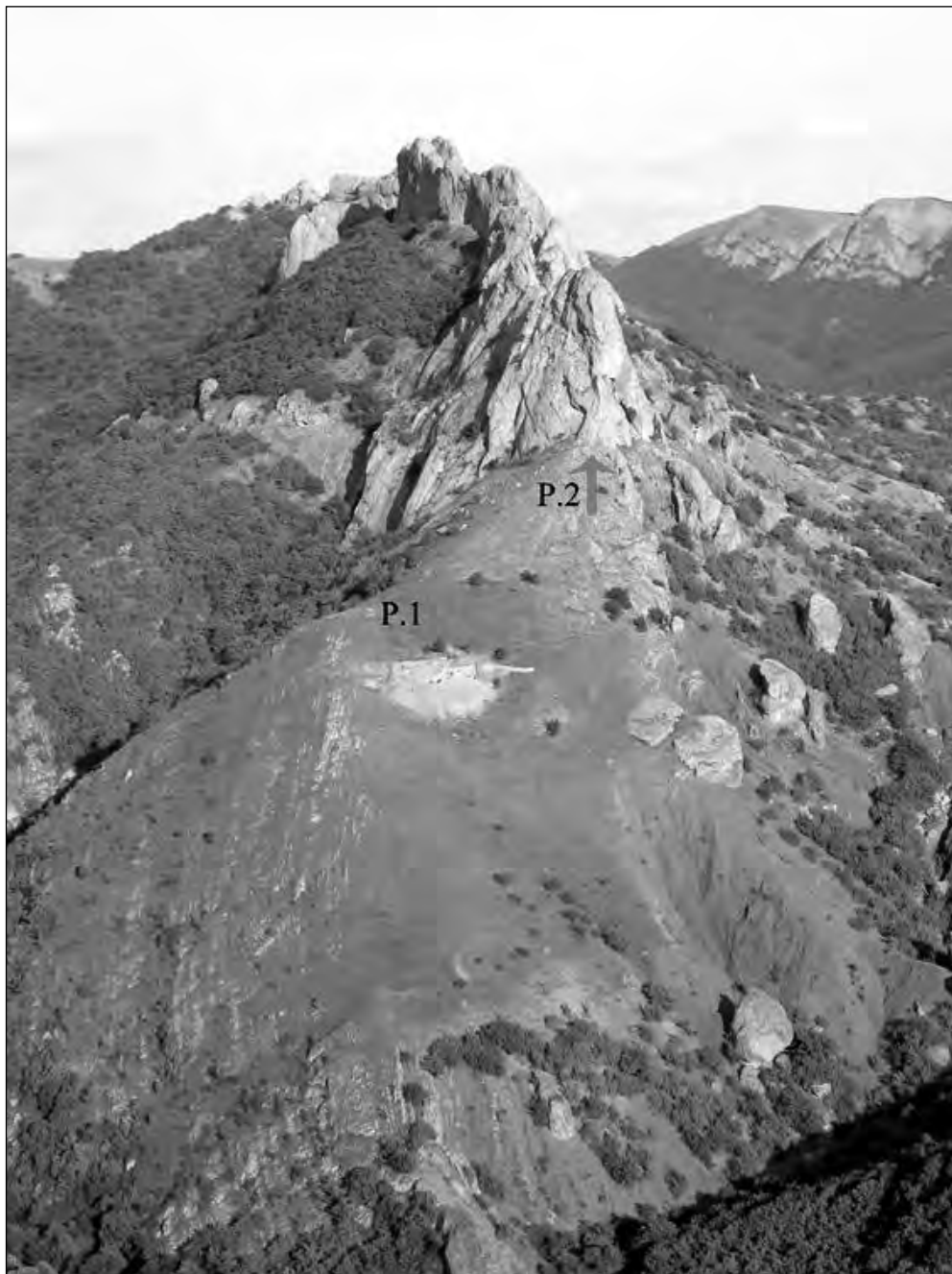

Рис. 2. Вид на горный хребет Таракташ.

P.1 – местонахождение поселения римской эпохи и культового сооружения Таракташ-III;
P.2 – местонахождение культового сооружения Таракташ-II.

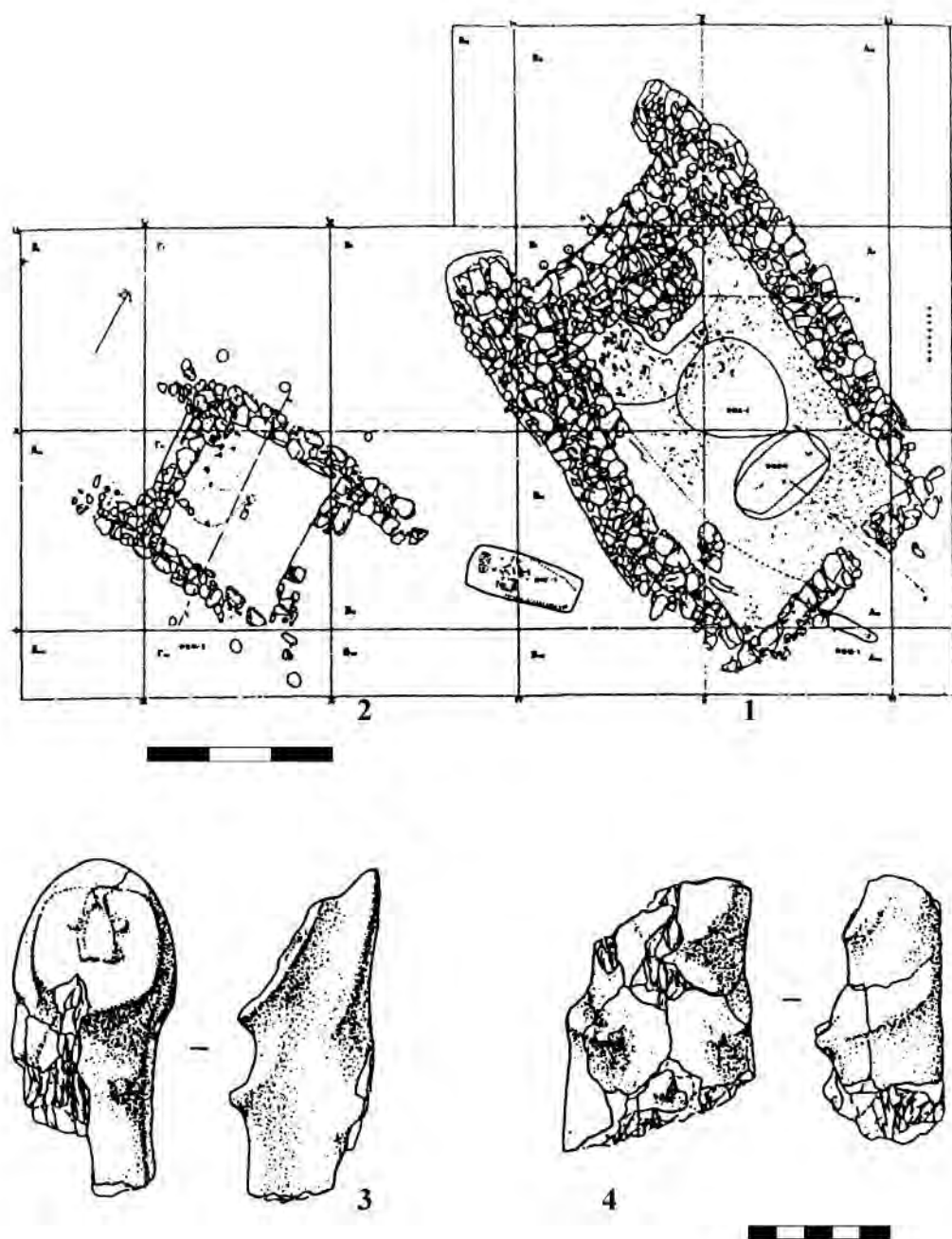

Рис. 3. План раскопок культового комплекса Таракташ-I.

1 – святилище 1; 2 – святилище 2; 3-4 – антропоморфные глиняные идола из святилища 2.

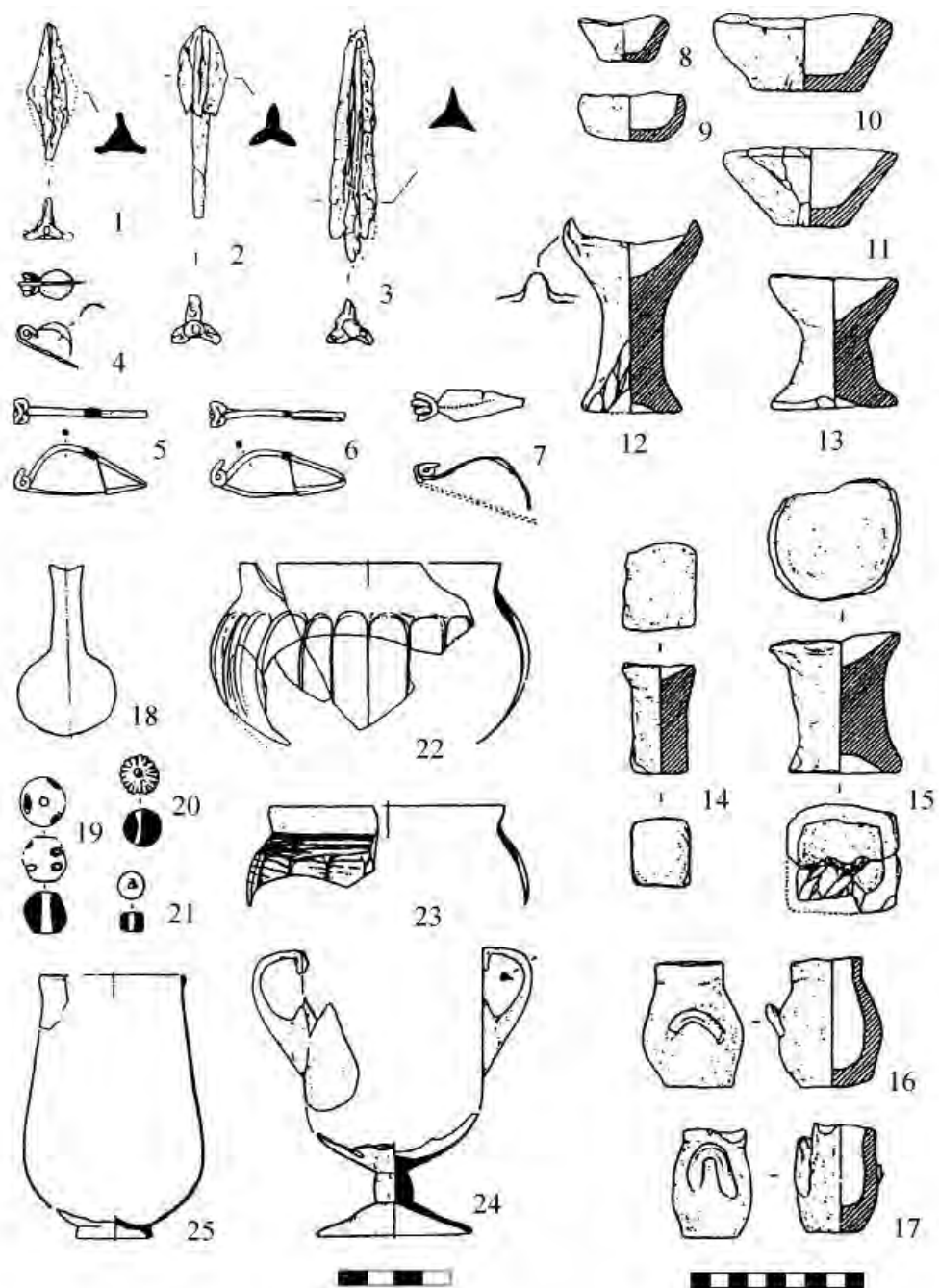

Рис. 4. Культовое сооружение Таракташ-I.

1-10, 13, 16-25 – материал из святилища 1; 11, 12, 14, 15 – материал из святилища 2 (2, с. 99).

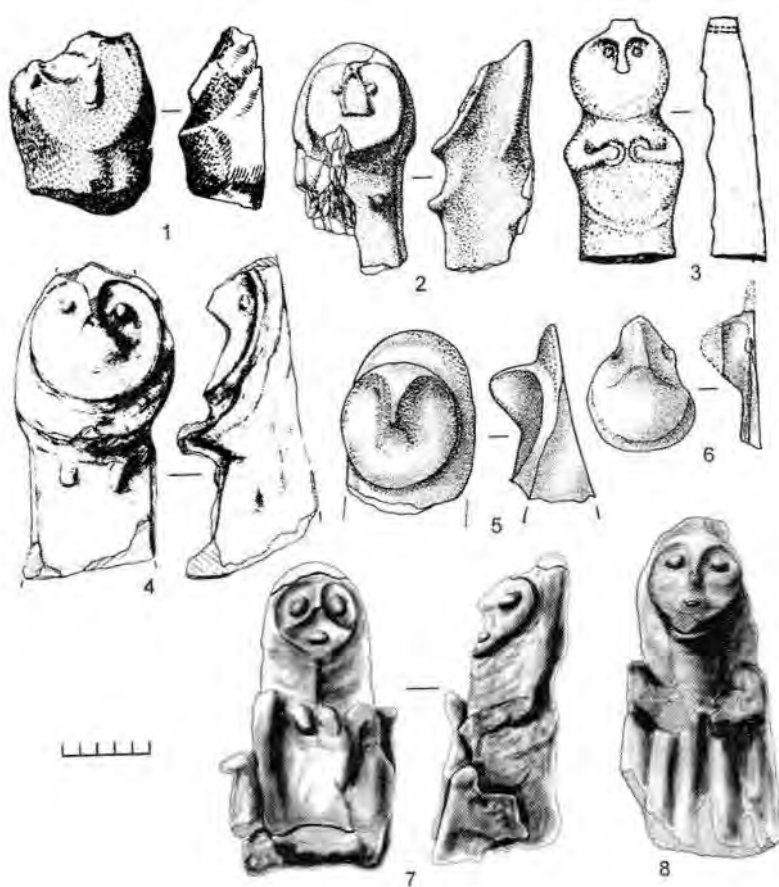

Рис. 5. Антропоморфные глиняные идола Таракташа и их аналогии.

1 – городище Бедаик-Асар, джетыасарская культура; 2 – КСТ-I; 3 – Киммерик; 4 – ТРШ-IV; 5, 6 – КСТ-II; 7, 8 – КСТ-III.

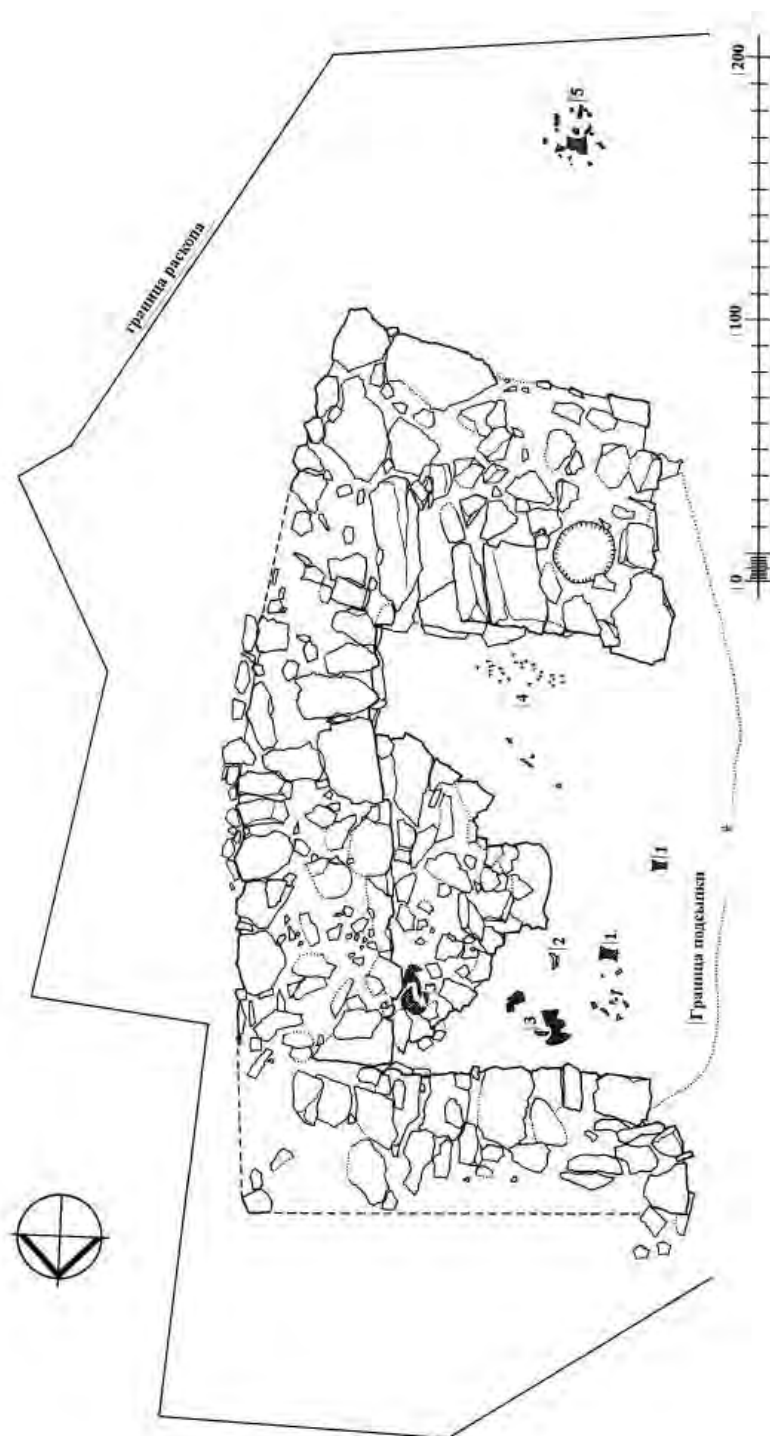

Рис. 6. План культового комплекса Таракташ-II.

1 – лепные курильницы; 2 – фрагменты стеклянных изделий;
3 – фрагменты краснолаковых мисок; 4 – скопление кальцинированных костей и углей; 5 – фрагменты антропоморфных статуэток.

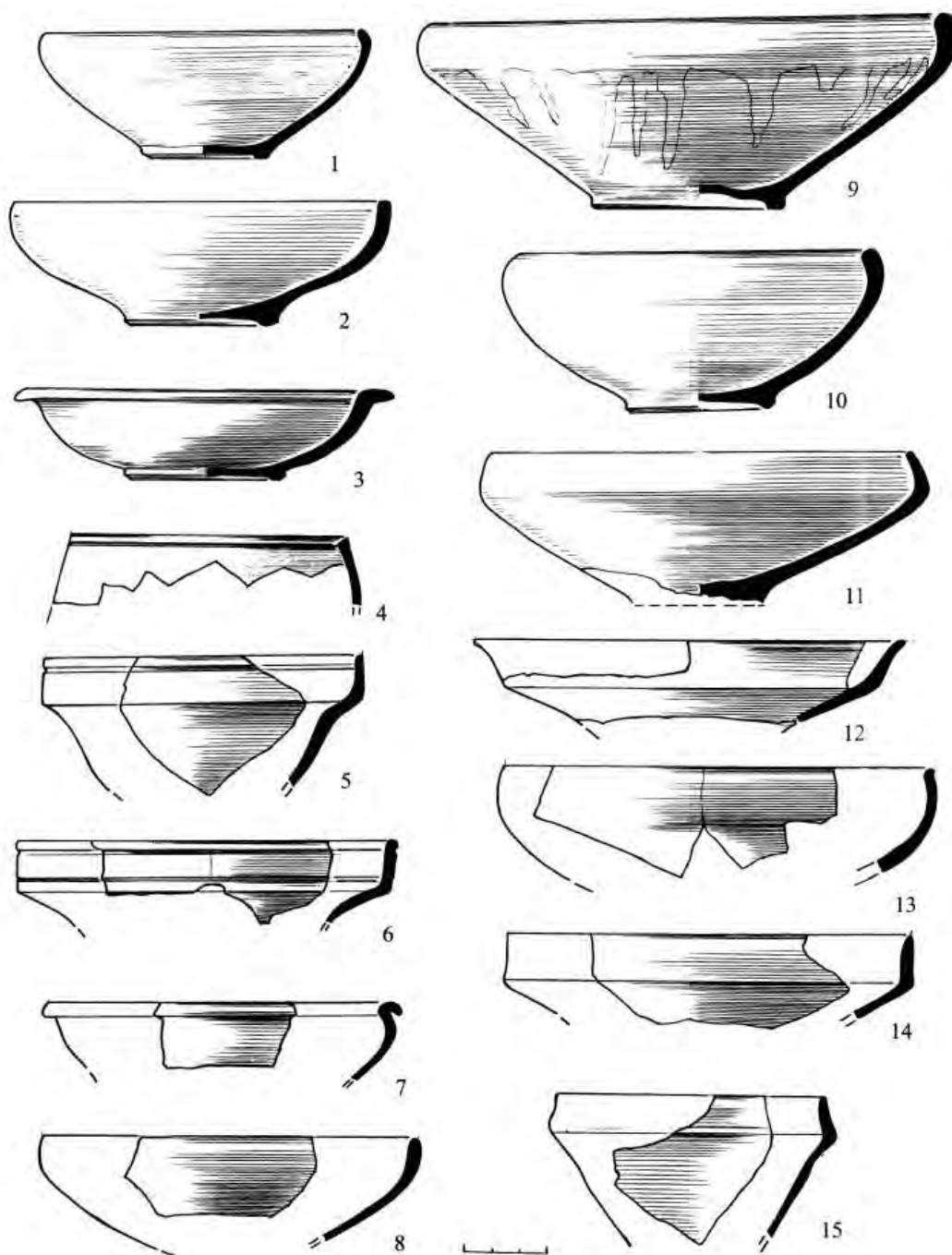

Рис. 7. Краснолаковая керамика из культового сооружения Таркаш-II.

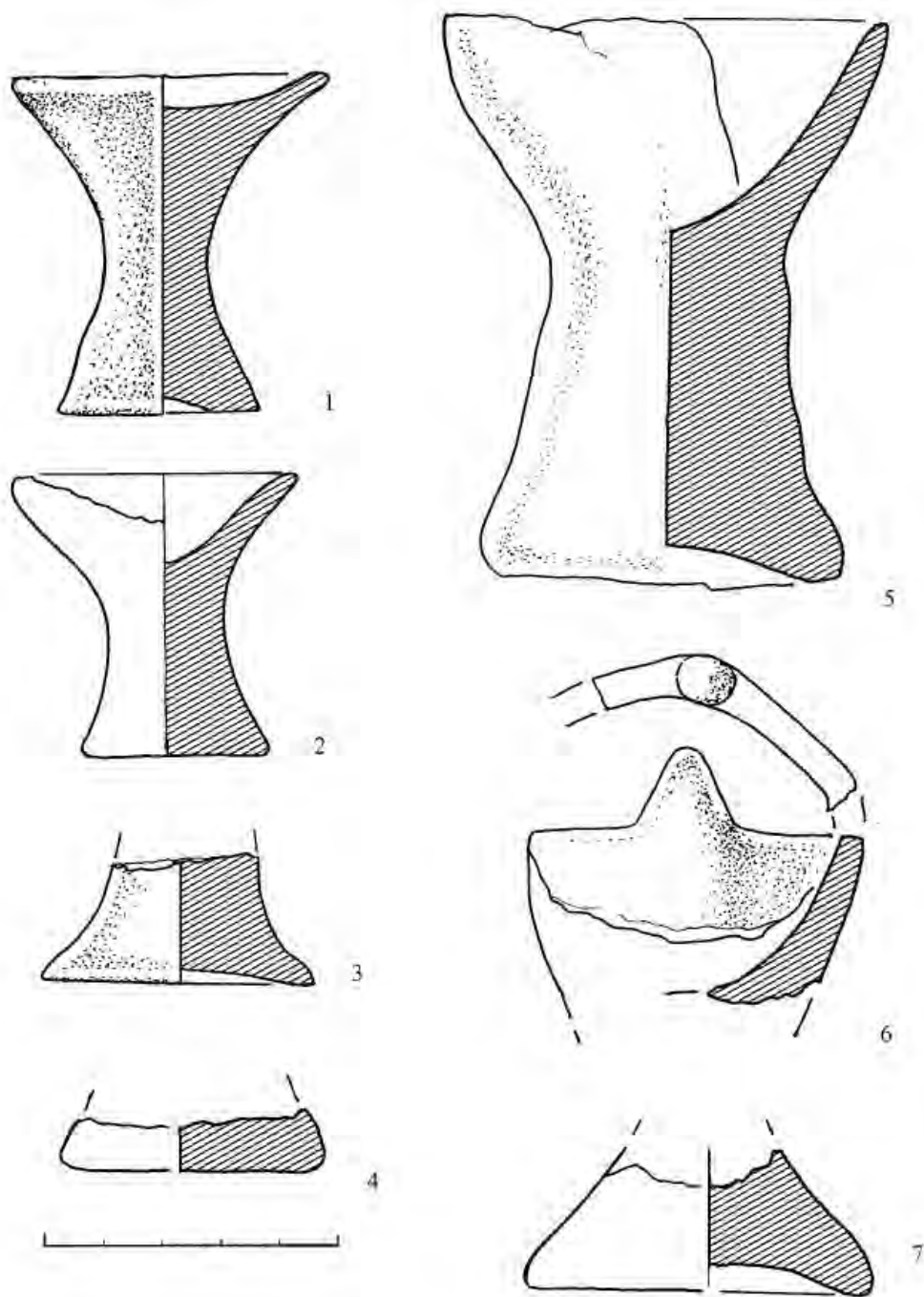

Рис. 8. Лепные курильницы из культового сооружения Таракташ-II.

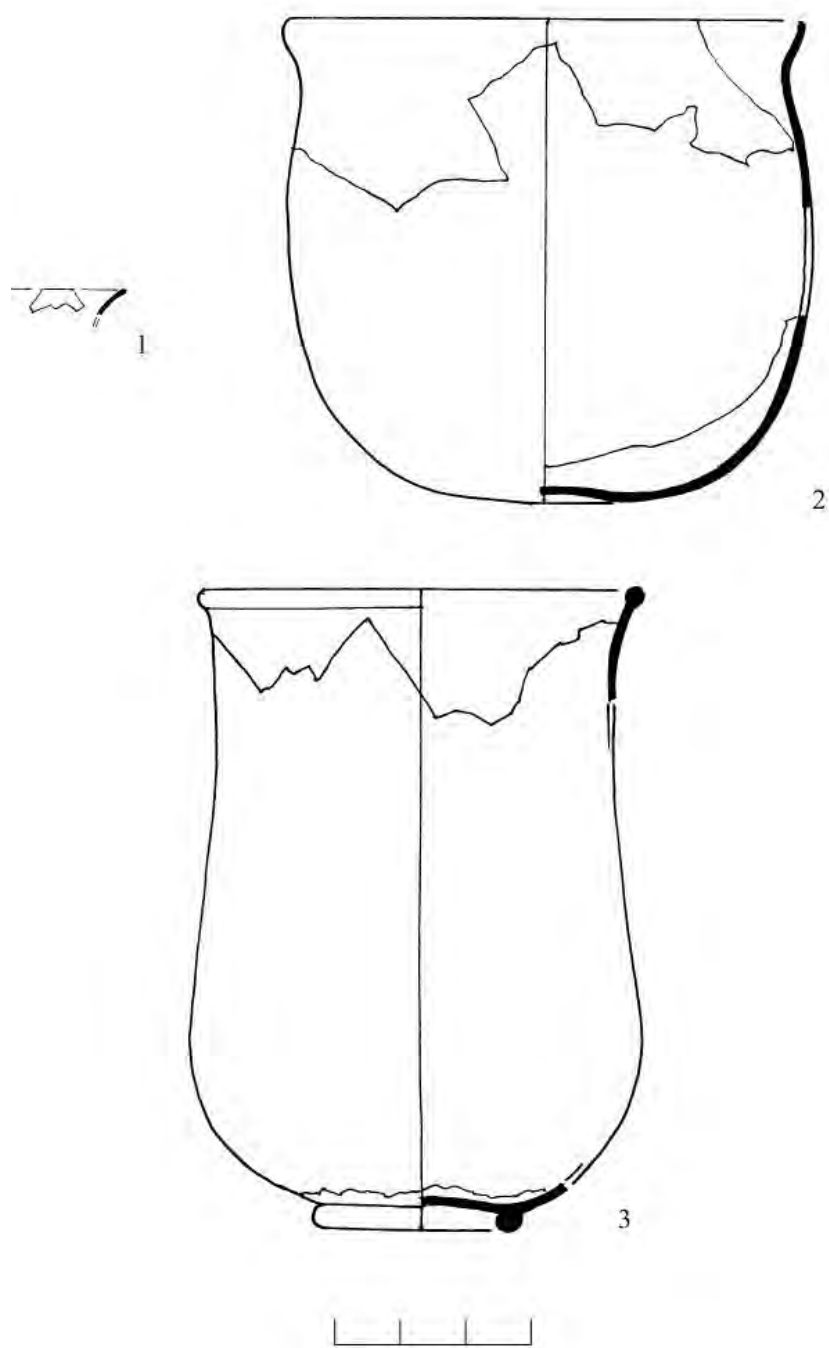

Рис. 9. Стекланные стаканы из культового сооружения Таракташ-II.

Рис. 10. Культовое сооружение Таракташ-III.
Сверху его перекрывает жилая постройка № 6 первой половины III в. н.э.

Рис. 11. Фиксация антропоморфного идола на 16 уровне расчистки в культовом сооружении Таракташ-III.

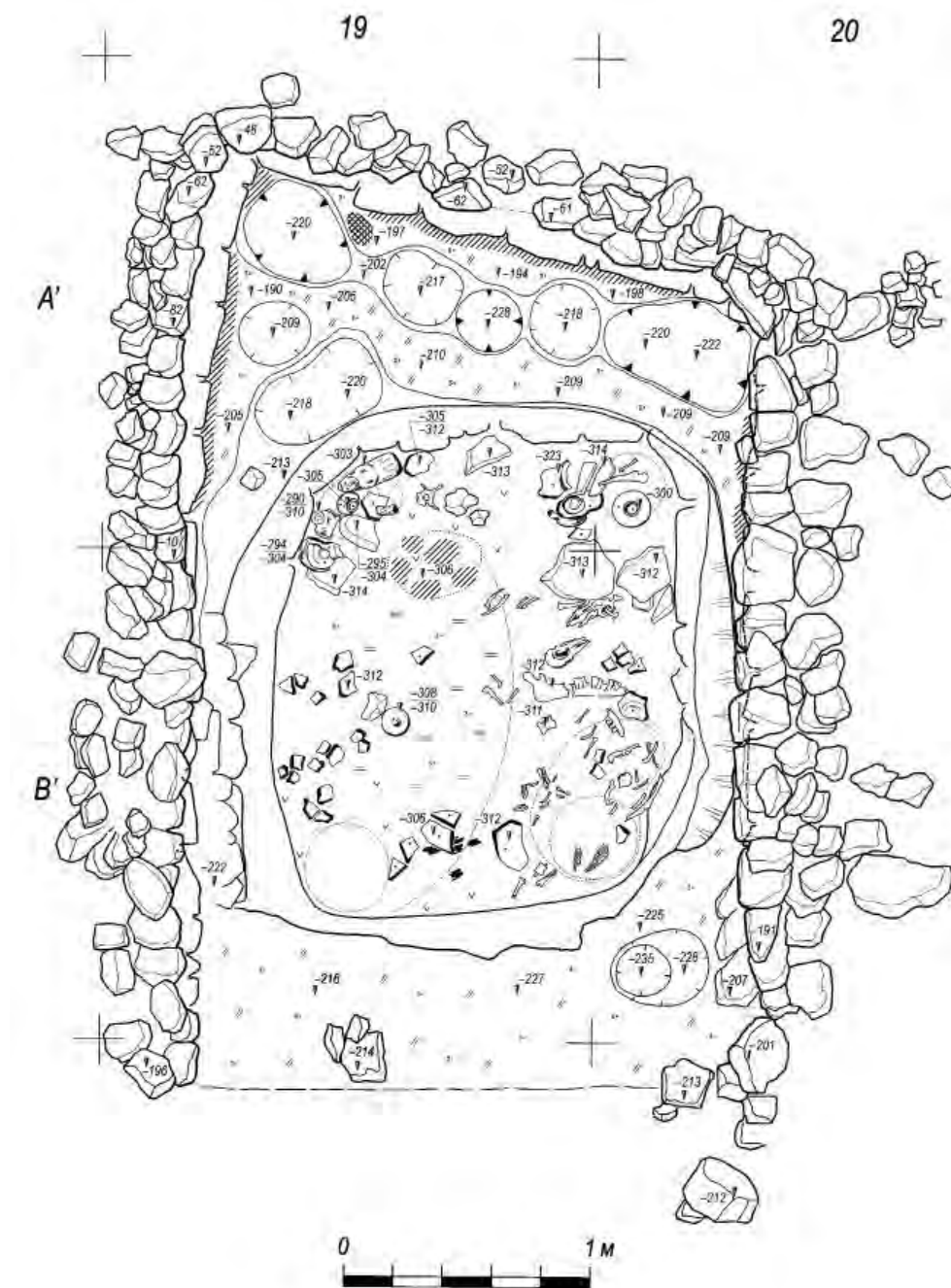

Рис. 12. Культовое сооружение Таракташ-III. 16 уровень фиксации.

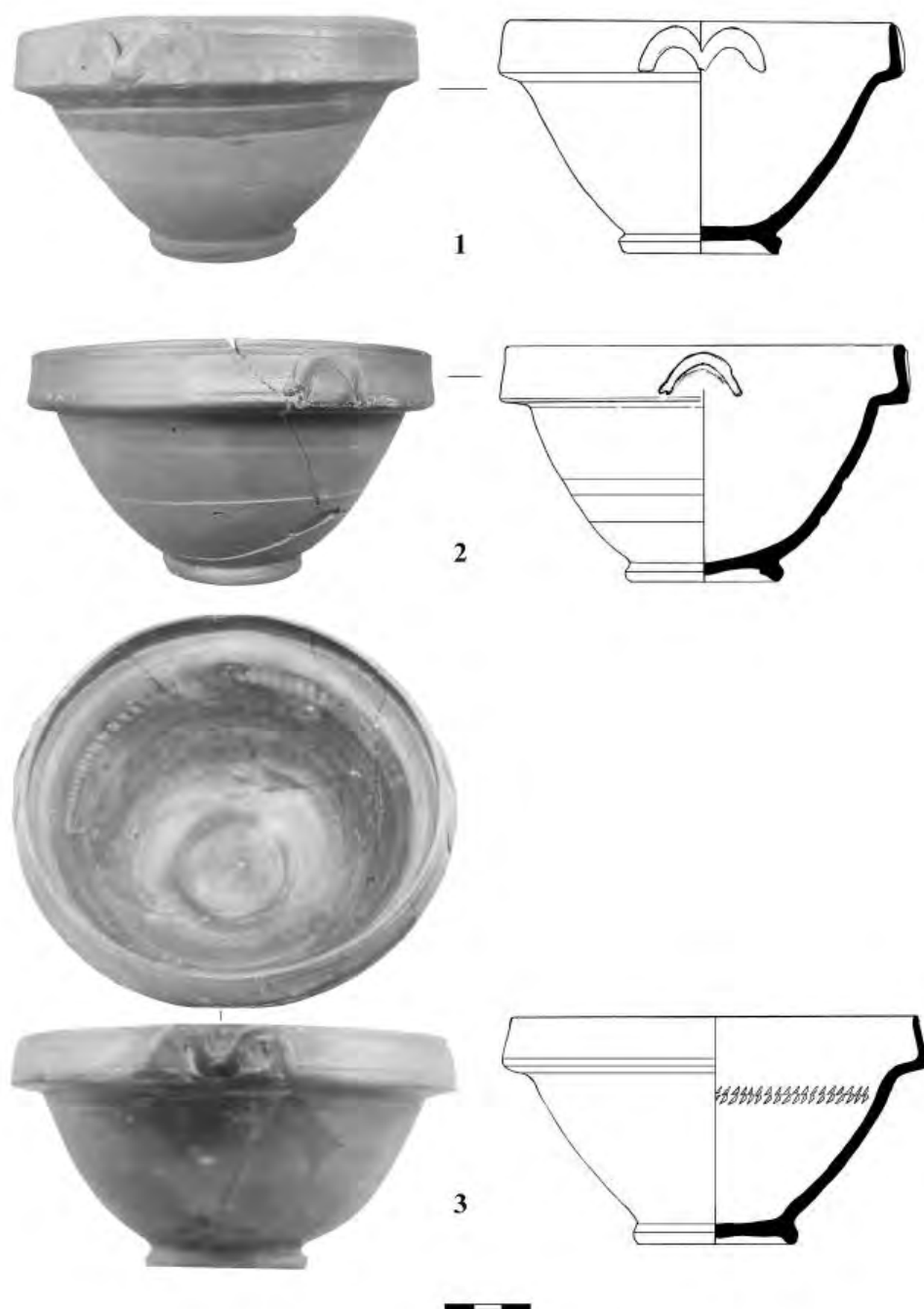

Рис. 13. Краснолаковая керамика культового сооружения Таракташ-III.

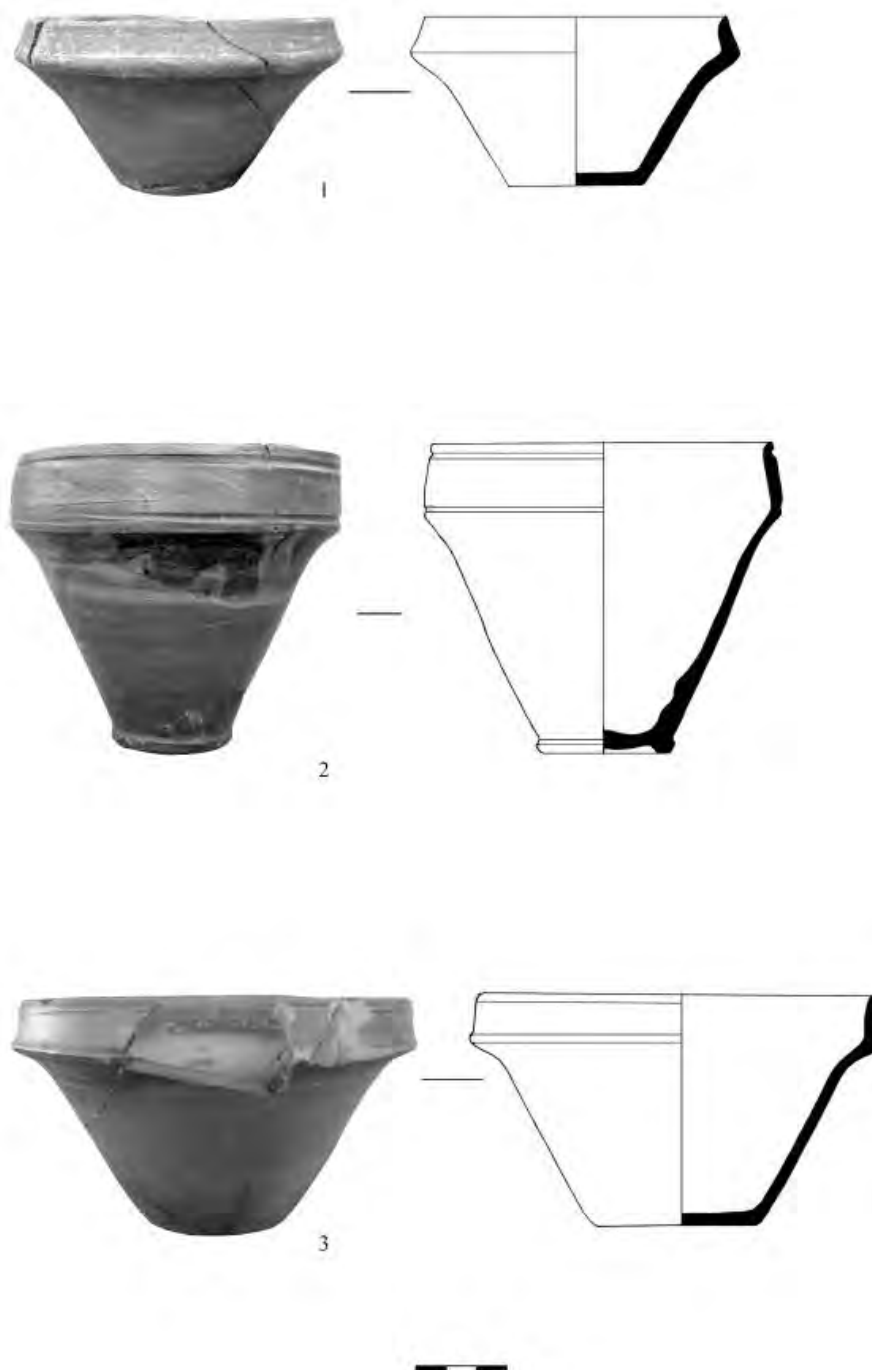

Рис. 14. Краснолаковая керамика культового сооружения Таракташ-III.